

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЗАЦИИ НАРРАТОРОВ В ПЕРЕПОРУЧЕННОМ ПОВЕСТВОВАНИИ ОТ 1-ГО ЛИЦА

Т.А.Вдовенко

(преподаватель, *Измаильский государственный гуманитарный университет*)

Автор статті подає огляд критичних і наукових праць, присвячених типологізації нараторів, і пропонує свою у передорученій оповіді від 1-ої особи.

The author surveys viewpoints and attempts to classify different types of narrators and suggests her own typology within the boundaries of entrusted narration.

На протяжении XIX-XXI вв. авторы художественной литературы разных стран с целью усиления изобразительности и достоверности своих произведений, расширения представления читателя об окружающей действительности все чаще используют перепорученное повествование (далее ПП) от 1-го лица. Проведенное исследование обнаружило две тенденции: с одной стороны, усложняется структура и увеличивается объем произведений с ПП от 1-го лица; с другой – рождаются новые виды нарраторов. В связи с этим возникла необходимость их типологизации. Создание такой типологии поможет, на наш взгляд, выявить характерные особенности использования ПП от 1-го лица, возможные общие и различительные черты нарраторов, тенденции в употреблении авторами тех или иных их типов.

Как известно, понятие «нарратор» употребляют в широком смысле как обозначение «центра ориентации» (Э.Лейбфрид, В.Фюгер), которым является нарратор как повествующая инстанция. В западном литературоведении им принято называть адресанта фиктивной нарраторской коммуникации (1, 64).

Лингвостилистические и композиционные особенности перепорученного повествования от 1-го лица обусловлены в значительной степени модификацией повествователя, т.е. тем, кто по воле автора выступает в роли нарратора. Для художественного произведения выбор нарратора имеет чрезвычайно важное значение, именно это определяет повествовательную перспективу произведения и его речевую организацию. Невзирая на то, что попытки типологизации нарраторов предпринимались многими лингвистами и литературоведами, вопрос о систематизации и классификации нарраторов остался открытым.

Вместе с тем предложенные различными учеными (2; 3; 4; 5; 6; 7; 8 и др.) классификации нарраторов не могут быть использованы в нашем исследовании, т.к. в большинстве из них автор включен в тип повествователей, однако в перепорученном повествовании от 1-го лица он не фигурирует, а передает функцию повествователя своему “полномочному представителю”. Это принципиально иной подход в анализе, ибо речь идет о новых способах отобразить задуманное автором. В этом мы согласны с К.А.Долининым, который поставил вопрос о нетождественности фигуры повествователя и автора. В частности, он отмечает: «Фигура повествователя, заведомо не тождественного автору и принадлежащего фабульному пространству, т.е. персонажа, рассказывающего свою собственную историю (или события, которые он сам наблюдал), возникает как попытка обосновать правдоподобное повествование о частной жизни, которая в принципе скрыта от посторонних глаз» (2, 187). Субъективная точка зрения отдельного человека начинает восприниматься не только как имеющая право на существование, но и как более ценная, чем точка зрения отвлеченного разума. Однако дальше постановочного вопроса К.А.Долинин не идет, и проблема видов нарраторов остается открытой.

Как видим, во всех предшествующих типологиях не представлено четкой и обоснованной классификации, удовлетворяющей всем требованиям научного исследования. Настоящим прорывом в обозначенной проблеме стал труд Вольфа Шмида, профессора славистики Гамбургского университета. В работе «Нарратология» В.Шмид предложил подход к типологии нарраторов, который представляется нам наиболее адекватным по сравнению с ранее сделанными его коллегами в этой области.

Несомненно, положительным моментом классификации В.Шмида является то, что он собрал воедино предложенные ранее исследователями признаки, систематизировал их, уточнил, дополнил и расставил собственные акценты в типологизации. Заслуга В.Шмида лежит также и в обобщении всего опыта западной и российской нарратологии, что, на наш взгляд, и привело к таким положительным результатам.

Критерии, положенные в основу выделения типов нарраторов, дали возможность автору предложить следующую типологию (1, 78):

Таблиця 1

<i>Критерии</i>	<i>Типы нарратора</i>
способ изображения	эксплицитный - имплицитный
диегетичность	диегетический - недиегетический
степень обрамления	первичный - вторичный - третичный
степень выявленности	сильно - слабо выявленный
личность	личный - безличный
антропоморфность	антропоморфный - неантропоморфный
гомогенность	единый - рассеянный
выражение оценки	объективный - субъективный
информативность	всеведущий - ограниченный по знанию
пространство	вездесущий - ограниченный по местонахождению
интроспекция	внутринаходимый - вненаходимый
профессиональность	профессиональный - непрофессиональный
надежность	ненадежный - надежный

В целом, мы согласны с данной классификацией, в которой объединены на рациональной основе все возможные типы нарраторов. Но при очевидных плюсах его типологизации есть вопросы, требующие дальнейшего исследования. Некоторые позиции автор описал в самом общем виде и не учел, на наш взгляд, ряд принципиальных моментов, что вызывает противоречивость отдельных его положений, которых мы коснемся ниже. Мы предлагаем более детальный анализ и выявление противоречий термина В.Шмида, обозначенного им как *антропоморфность – неантропоморфность*, т.к. считаем, что он недостаточно описан и не учитывает весь спектр нарраторов, а главное, является двусмысленным. Как альтернативу используемому исследователем критерию мы выдвигаем, по нашему мнению, более адекватный и обоснованный признак, отражающий примерный спектр нарраторов, используемых в литературе, названный нами «антропологичность – неантропологичность».

Вслед за В. Шмидом мы выделяем такой критерий типологии, как **способ изображения** нарратора – *эксплицитный* и *имплицитный* (1, 66). Эксплицитное изображение основывается на самопрезентации нарратора. Он может называть свое имя, описывать себя как повествующее «я», рассказывать историю своей жизни. Употребление местоимений и форм глагола 1-го лица представляет собой самоизображение. Мы согласны с утверждением ученого о том, что эксплицитное изображение является факультативным приемом, а имплицитное – фундаментальным, носящим обязательный характер. Эксплицитное изображение надстраивается над имплицитным и не может существовать без него. Имплицитное изображение осуществляется с помощью симптомов, или повествовательного текста. В изображении нарратора, согласно В.Шмиду, участвуют следующие приемы построения повествования:

- 1) подбор элементов (персонажей, ситуаций, действий, в их числе речей, мыслей и восприятий персонажей) из «событий» как нарративного материала для создания повествуемой истории;
- 2) конкретизация, детализация подбираемых элементов;
- 3) композиция повествовательного текста, т.е. составление и расположение подбираемых элементов в определенном порядке;
- 4) языковая (лексическая и синтаксическая) презентация подбираемых элементов;
- 5) оценка подбираемых элементов (эксплицитно / имплицитно);
- 6) размышления, комментарии и обобщения нарратора.

Имплицитный образ нарратора, по мнению исследователя, является результатом взаимодействия указанных шести приемов. Его образ может основываться на его эксплицитных и имплицитных оценках, его комментариях, размышлениях и т.п. Он может характеризоваться в следующих отношениях:

- 1) модус и характер повествования (устность или письменность, спонтанность или неспонтанность, разговорность или риторичность);
- 2) нарративная компетентность (всеведение, способность к интроспекции в сознание героев, вездесущность или отсутствие таких способностей);
- 3) социально-бытовой статус;
- 4) географическое происхождение (присутствие региональных и диалектных признаков речи);
- 5) образованность и умственный кругозор;
- 6) мировоззрение.

Вторым и главным критерием в определении типов нарратора, по В.Шмиду, выступает **диегетичность**. Дихотомия *диегетический* и *недиегетический* характеризует присутствие нарратора в двух планах изображаемого мира – в *плане повествуемой истории* (диегесиса) и в *плане повествования* (экзегесиса). Диегетический нарратор фигурирует в двух планах – и в повествовании (как его субъект), и в повествуемой истории (как объект). Такой нарратор расщепляется на *повествующее «я»* и *повествуемое «я»*.

Недиетический нарратор повествует только о других персонажах. Его существование ограничивается планом повествования – «экзегесисом». В недиетическом повествовании нередко наблюдается отсутствие форм первого лица, но это не значит, что нарратор отсутствует. Он может оценивать повествуемое, комментировать его, не называя себя.

В.Шмид подвергает критике Е.В.Падучеву, именующую недиетического нарратора «экзегетическим». По мнению ученого, принадлежность к экзегесису не является различительным признаком, предпочтение здесь отдается чистой оппозиции бинарных признаков «диетический – недиетический» (1, 82). Наглядно он показал это в следующей таблице:

Таблица 2

	диетический нарратор	недиетический нарратор
Экзегесис	+ (повествующее «я»)	+
Диетесис	+ (повествуемое «я»)	-

По роли, отведенной в произведении, диетического нарратора, на наш взгляд, вслед за В.Швенке (9), можно подразделить на два типа: 1) *главный герой / the story's central character* (к ним можно отнести рассказчиков произведений «История любви» Э.Сигала, «Над пропастью во ржи» Дж.Сэлинджера и др.) 2) *второстепенный герой / a by-stander narrator* (там же) («Ежевичное вино» Дж.Харрис, «Великий Гэтсби» Ф.С.Фидджеральда и др.). М.В.Кашуба называет следующие подтипы повествователей: действующий рассказчик и рассказчик-посредник (4, 110).

Третьим критерием является **степень обрамления**. По месту, занимаемому нарратором в системе обрамляющих и вставных историй, В.Шмид различает *первичного* нарратора (т.е. повествователя обрамляющей истории), *вторичного* нарратора (повествователя вставной истории), *третичного* нарратора и т.д.

Четвертым критерием исследователь называет **степень выявленности** нарратора. Обоснованность существования данной позиции В.Шмид объясняет неизбежностью присутствия нарратора в каждом повествовательном произведении. По степени выявленности он различает сильно выявленного и слабо выявленного нарратора.

Пятым критерием выступает **личность**. Согласно ему, ученый различает *личный* и *безличный* типы нарраторов. Так, В.Шмид отмечает, что «нарратор может обладать ярко выраженными чертами индивидуальной личности. Но он может быть также безличным носителем какой либо оценки... и не быть наделенным какими-нибудь индивидуальными чертами» (1, 68). Это суждение представляется, по меньшей мере, спорным. По нашему мнению, безличного нарратора не может быть по определению. Для того чтобы транслировать какие-либо суждения, оценки, комментарии, субъект такой информации в силу значения этого слова должен быть личностным и наделенным свойствами восприятия и оценивания действительности, что присуще только личности. Если же нарратор безличностен, то у него отсутствуют механизмы восприятия и отражения действительности, что не дает ему права делать какие-либо оценки как таковые. Тем не менее мы допускаем условное присутствие так называемого «безличного» нарратора в авторском повествовании от 3-го лица. В повествовании же от 1-го лица – такой феномен не встречается. Данное утверждение позволяют нам сделать результаты проведенного исследования англоязычных художественных произведений XX века.

Шестым критерием В. Шмид называет **антропоморфность**, выделяя в нем антропоморфный и неантропоморфный типы нарраторов. Он отмечает, что повествующая инстанция может быть личностной, но в то же время не быть человеком (1, 70). Нарратор может стоять «ниже» человека, быть животным. Такого нарратора лингвист считает антропоморфным. В то же время он не объясняет понятия «неантропоморфный» и не приводит примеров данного вида нарраторов. По этому поводу необходимо сделать следующие разъяснения.

Согласно определению, данному в Философском энциклопедическом словаре (10, 33), антропоморфизм предполагает наделение человеческими свойствами предметов и явлений неживой природы, небесных тел, животных, растений и пр. Аналогичную трактовку наблюдаем и в словаре русского языка С.И.Ожегова: «антропоморфизм – одна из форм анимизма; система фантастических представлений о наличии у человека, животных, растений, предметов независимого начала – души» (11, 25).

В этом случае мы имеем систему наделения или, так сказать, переноса человеческих свойств на указанные объекты, что и дает возможность этим объектам быть нарраторами. При отсутствии такого переноса невозможен нарратор как таковой. Следовательно, нарраторов неантропоморфного типа не существует вообще. А поскольку в критерии отсутствует дихотомия, – это дает нам основание поставить под сомнение правильность самого признака «антропоморфность». В связи с неточностью термина у В.Шмида мы предлагаем выделять нарраторов антропологичных и неантропологичных. При этом следует подчеркнуть, что неантропологические нарраторы всегда являются антропоморфными.

Рассмотрим эту позицию подробнее. Действительно, в роли нарраторов могут выступать не только

люди, но и животные, фантастические существа, насекомые и даже предметы. Антропоморфный рассказчик (т.е. уподобленный человеку) может быть представлен не только животным-повествователем, но и насекомым (например, жуком-древоточцем), растением, фантастической сущностью, мифологическими существами и даже предметами вещного мира (камень) или быть артефактом (т.е. сделанным руками человека – ваза, бутылка, лампа). Антропоморфный рассказчик наделяется не только способностями говорить и размышлять, ему также приписываются сугубо человеческие эмоции. Но поскольку в своих исследованиях мы пришли к выводу об узости и неадекватности критерия В.Шмида, то имеет смысл ввести другой термин для обозначения данного признака.

И далее в своей классификации нарраторов произведений с ПП от 1-го лица для обозначения антропоморфных повествователей мы будем придерживаться термина *неантропологичный*, т.к. с точки зрения онтологии (т.е. сущностных характеристик) деление, отражающее их типы, по нашему мнению, происходит по признаку «антропологичность / неантропологичность». В связи с этим мы предлагаем классифицировать нарраторов на антропологичных и неантропологичных. В этом случае весь корпус повествователей распадается, условно говоря, на *людей* и *не-людей*.

Седьмым критерием В.Шмид называет **гомогенность**, по которому он делит нарраторов на *единого* и *рассеянного*. Исследователь не дает четкого определения вышеупомянутых нарраторов, не описывает их особенностей и различий в рамках дихотомии. Психологическое единство личностного нарратора понимается нами как единый образ, обладающий чертами индивидуальной личности. Мозаика и монтаж стилистических жестов ведет к рассеянности образа нарратора.

Восьмым критерием ученый называет **выражение оценки**. В связи с ней он выделяет *объективного* и *субъективного* нарраторов. Однако, на наш взгляд, наличие данного признака необоснованно, т.к. объективного нарратора не существует. Каждый нарратор, как, впрочем, и автор имеют свою субъективную точку зрения на мир, которая обусловлена целым рядом индивидуальных и неповторимых причин такой субъективности. По нашему мнению, объективной является лишь реальность, а любое ее отражение субъективно, ибо в процессе отражения такая действительность преломляется через сложный и индивидуальный узор социально-психологических, нравственных и прочих факторов, искажающих эту действительность.

Девятым критерием выступает **информативность**, согласно которой нарратор может быть *всеведущим* и *всезнающим* или *ограниченным по знанию*. И действительно, техника изображения мира таким, каким его воспринимает нарратор, предполагает интроспекцию нарратора в сознание персонажей, однако такая нарративная компетентность (или способность) может отсутствовать. Не все исследователи согласны с наличием всеведущего или всезнающего нарратора. Так, М.В.Кашуба утверждает, что всезнающего рассказчика не существует (12, 47-48).

Десятым критерием называется **пространство**. В связи с этим нарратор может быть либо *вездесущим*, либо *ограниченным по местонахождению*: «Нарратор может быть сконституирован как сверхчеловеческая всеведущая и вездесущая инстанция, живущая в разные эпохи, проникающая в самые утаенные уголки сознания персонажей» (1, 65). Каждый нарратор имеет свой пространственный мир. Но его пребывание может также ограничиваться рамками одного здания, квартиры или комнаты. Взаимозависимость художественного пространства и находящихся в нем героев позволила Ю.М.Лотману (13) наметить их типологию по пространственному признаку, разделить их на героев неподвижного, замкнутого *locus`a* (героев своего места (круга)) и героев открытого пространства.

Одиннадцатый критерий В.Шмид определяет как **интроспекцию**. Согласно ей нарратор бывает *внутринаходимым* или *вненаходимым*. Основной антитезой данного признака становится местоположение нарратора, чья позиция может быть «внешней» (за пределами повествуемой истории) или «внутренней» (находится внутри повествуемого текста). Считаем более удачным для названия этого мерила термин, введенный Ж.Женеттом (1972), – **фокализация** (*focalisation*). Нарратор, выступающий в роли фокализатора, является точкой, из которой видятся элементы (1, 11).

Двенадцатый критерий, отмеченный В.Шмидом, это – **профессиональность**. Производя деление нарраторов на *профессиональных* и *непрофессиональных*, исследователь не рассматривает данный признак подробно.

Последним критерием он называет **надежность**. По этой позиции весь корпус повествователей распадается на *надежных* и *ненадежных*. Эту точку зрения поддерживает Л.В.Борисова, которая также разделяет нарраторов на надежных «reliable» и ненадежных «unreliable» (8, 49).

Мы не вполне согласны с определением ненадежности нарратора, данным В.Шмидом, хотя и он сам признает не совсем точным понятие «ненадежного» нарратора, впервые предложенное У.Бутом (1961), согласно которому о «ненадежном» нарраторе следует говорить в том случае, когда нормы нарратора и «имплицитного» автора не совпадают. В.Шмид – сторонник новейших определений в свете когнитивной теории, где мерилем надежности должен служить не имплицитный автор, а конкретный читатель.

К ненадежным нарраторам он относит «звериных» нарраторов, неадекватно воспринимающих

человеческую действительность. При этом ничего не говорится о людях. На наш взгляд, понятие ненадежности гораздо шире. Наличие повествователя – второстепенного лица и повествователя-свидетеля дает также возможность говорить о ненадежном рассказчике (14). Ненадежность, по мнению М.В.Кашубы, основывается не на личных качествах рассказчика как вымышленной фигуры (характер, искренность, любовь к правде), а имеет онтологическую основу положения рассказчика в повествовании. Присутствие такого персонажа-повествователя в мире вымышленных персонажей и его личность, которая физически определена, ведут к ограничению области его восприятия и знаний (12, 47). По этой причине он может иметь только узко субъективный и поэтому лишь условно обоснованный взгляд на описываемые события.

К ненадежным рассказчикам мы относим нарраторов-преступников, убийц, им есть что скрывать, а следовательно, – они способны исказить факты, представлять себя в ином свете, например, лучше, чем они есть на самом деле. К вышеупомянутым нарраторам можно причислить и людей с неадекватной психикой – сумасшедших, также воспринимающих и отражающих мир образом, отличным от надежного нарратора.

Типологию нарраторов В.Шмида предлагаем дополнить еще одним критерием. Всех нарраторов в ПП от 1-го лица можно также разделить на две группы, с точки зрения **динамичности** или **мобильности**. В таком случае весь корпус нарраторов распадается на *мобильных* нарраторов (людей, животных, насекомых, фантастических и мифологических существ), свободно перемещающихся в пространстве, и *статичных* нарраторов (предметы, артефакты), которые в силу физических особенностей не могут двигаться и поэтому описывают лишь то, что попадает в их поле зрения. Для ПП от 1-го лица характерны и те и другие.

Типология нарраторов в ПП от 1-го лица с учетом наших дополнений будет иметь следующий вид:

Таблица 3

<i>Критерии</i>	<i>Типы нарратора</i>
способ изображения	эксплицитный - имплицитный
диегетичность	диегетический - недиегетический
степень обрамления	первичный - вторичный - третичный
степень выявленности	сильно - слабо выявленный
антропологичность	антропологичный - неантропологичный
гомогенность	единый - рассеянный
информативность	всеведущий - ограниченный по знанию
пространство	вездесущий - ограниченный по местонахождению
фокализация	внутренний - внешний
профессиональность	профессиональный - непрофессиональный
надежность	условно надежный - ненадежный
динамичность	статичный - мобильный

1. Шмид В. Нарратология. – М., 2003.
2. Долинин К.А. Интерпретация текста. – М., 1985.
3. Домашнев А.И. Интерпретация художественного текста. – М., 1989.
4. Кашуба М.В. Типы субъекта-нарратора в перепорученном повествовании от 1-го лица // Записки з романо-германської філології. – Одеса, 2000. – Вип 7.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: Учебник для студентов филологических специальностей. – 3-е изд., испр. – Одесса, 2002.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке: Семантика нарратива). – М., 1996.
7. Шамраенко О.М. Тип оповідача як виразник авторської модальності на початку та кінці короткого оповідання // Матеріали XI Міжнародної конференції по функціональній лінгвістиці. – Ялта, 2004.
8. Borisova L.V. Interpreting Fiction. – Мн., 1987.
9. Schwenke W.A. Expanding the View of First-Person Narration // Children`s Literature in Education. – 1999. – Volume 30, Issue 3.
10. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С.Аверинцев, Э.А.Араб-Оглы, Л.Ф.Ильичев и др. – 2-е изд. – М., 1989.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю.Шведовой. – 16-е изд. испр. – М., 1984.
12. Кашуба М.В. Нарративный и фабульный хронотопы англоязычного художественного текста (на материале произведений с повествованием от 1-го лица): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1996.
13. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1970.
14. Booth W.C. The Rhetoric of Fiction. – Chicago, 1961.